

Федор Александрович Эмин

**Путь ко спасению, или
Благочестивые размышления
о покаянии и о непрестанном
приуготовлении себя к
смерти**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Э55

Э55 **Эмин Ф.**
Путь ко спасению, или Благочестивые размышления о покаянии и о непре-
станном приуготовлении себя к смерти / Федор Александрович Эмин – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 236 с.

ISBN 978-5-521-39167-7

ISBN 978-5-521-39167-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

РАЗМЫШЛЕНІЕ I.

Сколь необходимо раскаяніе грѣшному человеку.

Опомнись, въ свѣтской роскоши погруженная душа моя! подумай только, на какой ты конецъ неизреченнымъ милосердіемъ Создателя своего сотворена, и увидишь, что весьма далеко ты отъ онаго удалена: Богъ тебя избралъ Своимъ храмомъ и назначилъ быть тебѣ избраннымъ Своимъ сосудомъ. Размотри же сама свое состояніе, и увидишь, что ты не храмъ Господень, но хлѣвъ, разною гадостью наполненный. Столица премудрости твоя превращена въ мѣсто всѣхъ шалостей, окаянствъ и заразы; избранный Господень сосудъ твой наполненъ горькою и ядовитою отравою, которая умерщвляетъ добродѣтель. Ахъ, несчастная душа! воззри на бѣдственное свое состояніе, оплакивай утрату прежняго твоего благосостоянія, сокрушайся отъ искренняго сердца о томъ, что потеряла такія преимущества, которыми тебя одарило Божіе милосердіе. Ахъ! небеса оплакиваютъ твое несчастіе, Ангелы объ утратѣ твоей сокрушаются, Святымъ злосостояніе твое чувствительно. Всѣ творенія Божія, и вся природа о тебѣ печалится. Христосъ Спаситель нашъ больше о тебѣ пролилъ слезъ, нежели Іеремія Пророкъ о паденіи славнаго Іерусалима. Но ахъ, бѣдная душа моя! ты столько свѣтскою роскошью ослѣплена, что душевнаго своего зла не видишь. О тѣлѣ своемъ, о семъ большемъ непріятелѣ твоёмъ, отъ котораго много зла для тебя происходитъ, безпрестанно

печешься, а о томъ, что тебѣ полезнѣе и всего нужнѣе, и помыслить не хочешь. Ежели утратишь что нибудь для тѣла твоего выгодное, сколько слезъ проливаешь, оплакивая столь маловажную утрату. Ежели купеческій корабль утонетъ на морѣ, какія унынія отягощаютъ сердце того, кому онъ принадлежитъ! Онъ ломаетъ руки, какъ отчаянный, сзываетъ всѣхъ своихъ родственниковъ и друзей въ домъ свой, или самъ къ нимъ бѣжитъ, и увѣдомляетъ ихъ о своемъ несчастіи, и подвигаетъ сердца ихъ къ сожалѣнію о его злополучіи; а то ему и на мысль едва придетъ, что онъ не корабль, не десять кораблей, но все то, чего только праведная душа желать можетъ, на вѣки утратить, если не принудитъ сердце свое къ искреннему объ оной уtratѣ плачу и къ постоянному въ грѣхахъ покаянію. Если у бѣднаго земледѣльца соха испортится, какихъ онъ трудовъ не прилагаетъ, чтобъ оную поскорѣе исправить и окончить пашню, отъ которой обильныхъ надѣется плодовъ. Если у воина заржавѣетъ оружіе, онъ столько силится оное вычистить, чтобы не быть виновату предъ своимъ начальникомъ, что потъ съ чела его течетъ. Если же годовоіи плодъ земли столько милъ земледѣльцу, и если воину малое наказаніе столько страшно: то какъ разумному челоуѣку не стараться объ исправленіи испорченной своей совѣсти, которую если исправить, то отъ сего можетъ надѣяться вѣчнаго блаженства; и какъ ему не опасаться такой казни, которой чрезмѣрности ни разумъ челоуѣческій постичь, ни языкъ изъяснить, ни перо описать не могутъ, и которой неотмѣнно онъ будетъ подверженъ, если въ грѣхахъ своихъ не покается?

Ахъ, несноснымъ уныніемъ исполненная душа моя! какъ ты можешь то себѣ представить безъ

источенія обильныхъ слезъ изъ очей твоихъ, что ты была храмомъ Господнимъ и обиталищемъ Святаго Духа, — а нынѣ, упусти изъ внутренностей твоихъ такого Гостя, дала мѣсто въ оныхъ міру и злему духу? *Ибо грѣшный человекъ, о покаяніи не старающійся, есть рабъ тлѣнія* (Св. Апостолъ Петръ 2 посл. гл. 2, ст. 19). Не ужели ты столько слѣпа и безразсудна, что не познала того спокойствія и той сладости, которою наполнялось твое сердце, когда Духъ Святой обиталъ въ ономъ? Ахъ, сей Святѣйшій Гость никогда не приходитъ одинъ: за Нимъ слѣдуютъ премудрость, невинность и спокойствіе; Онъ просвѣщаетъ нашъ разумъ наподобіе солнца, густыя тучи разгоняющаго; воспламеняетъ волю нашу чистымъ желаніемъ служить Богу и соблюдать Его святѣйшія заповѣди; въ чувства наши вливаетъ сладкое спокойствіе, и преисполняетъ наше сердце надеждою соединиться съ Богомъ: Онъ насъ отъ зла сохраняетъ; посредствомъ Его мы творимъ добро и отъ Него за добрую нашу жизнь и за пріятіе сего дражайшаго Небеснаго Гостя вожделѣнное и счастливѣйшее получаемъ издовожданіе.

Но ахъ, жалко! не умѣла ты сего Святаго Гостя принять, и Онъ видя, что ты, наподобіе Самарянъ, гонишь Его изъ своего сердца, обращаясь повседневно съ міромъ, и Его святѣйшимъ внушеніямъ не внимая, удалился отъ тебя. Но ахъ! такія божественныя вдохновенія сердцу твоему приносятъ уныніе: скучно тебѣ размышлять о томъ, что для твоего спасенія нужно. Одинъ часъ тяжело тебѣ употребить на молитву, а хотя иногда и молишься Богу, но и въ сіе время съ иномъ думаешь. Какая же то молитва: молиться Богу, а думать о мірѣ? Иного только привыкшія уста сла-

гають молитву, а онъ въ умѣ своемъ считаетъ свои деньги, сколько надобно отдать въ процентъ, и на сколько купить товаровъ. Иной языкомъ, или губами молится Богу, а сердцемъ воздыхаетъ по своей любовницѣ, или разсуждаетъ, сколько выигралъ вчерашнею ночью въ карты, либо сколько проигралъ. Иной лепечетъ языкомъ: Отче нашъ, а въ сердцѣ бранитъ того, кого ненавидитъ, и помышляетъ объ его погибели, и еще жалуется, что Богъ молитвы его не выслушалъ, и не сдѣлалъ по его желанію. О несчастная человѣческая слѣпота! о удивительная продерзость неправеднаго сердца! какъ можетъ быть Богу пріятна наша молитва, если мы, Ему молясь, о томъ и не думаемъ, что Богу молимся, и вся наша мысль клонится къ тому, что противно Его святѣйшей волѣ. Возьми каждый себя въ примѣръ: если бы который человекъ, чиномъ насъ меньше, пришедши къ намъ, просилъ насъ о чемъ нибудь, а съ другимъ бы разговаривалъ, къ намъ оборотясь спиною, какой бы мы ему отвѣтъ дали? Но что я говорю? Не надобно съ нами такъ гордо поступать. Мы и за самую бездѣлицу на ближняго, въ насъ нужду имѣющаго, досадуемъ: онъ тѣмъ только виноватъ и нашего презрѣнія достоинъ, что въ насъ имѣетъ нужду. Иной сердится на своего ближняго, за чѣмъ его не назвалъ: его благородіемъ, а другому досадно, почему въ его горнищу челоуитчикъ вошелъ безъ доклада. Если насъ такіа бездѣлицы трогаютъ, какъ же можетъ быть молитва наша пріятна Богу, когда мы, не успѣвъ оную начать, спѣшимъ скорѣе окончить, такъ, что часто отъ скорости запутывается языкъ нашъ? И если бы то слово послѣ намъ пересказать, которое мы въ скорости выгово-

рили, то дѣйствительно сами онаго разумѣть не будемъ. Если мы, молясь Богу въ церкви, засматриваемся на плѣняющія сердца наши лица, и оныя внутренно обожаемъ: то для чего же мы пришли въ церковь, ежели не для того, чтобы Богу сдѣлать досаду? И ежели и за то, что Ему досаждаемъ, требуемъ награжденія: то конечно мы Бога почитаемъ за раба нашего. Ибо рабу только прилично сносить всѣ досады и огорченія отъ своего господина и дѣлать то, что онъ прикажетъ. О, ослабленная грѣхами душа моя! куда дѣвалось благополучіе твое, которымъ ты отъ Бога одарена? Ужели и столько у тебя разума пѣтъ, что столь явственной твоей погрѣшности не познаешь? На удовольствіе, изъ нѣсколькихъ минутъ состоящее, мѣняешь вѣчное благополучіе: или того не знаешь, что въ одну минуту можно потерять все, чего истинный и праведный Христіанинъ надѣяться долженъ? Что за слѣпое такое пристрастіе къ сему свѣту? Какое онъ добро тебѣ сдѣлалъ? Былъ ли кто имъ доволенъ? Конечно нѣтъ! Всѣ на него рѣшутъ, всѣ ему благополучіемъ своимъ жертвуютъ. Иной не доѣстъ и не доспитъ, чтобы поправиться свѣту. Поутру вставши, три или четыре часа даетъ за волосы драть себя своему парикмахеру; сколько разъ случится, что ухо и лобъ ему ожгутъ: однако все то ему не непріятно. Иному до третьяго часа послѣ полудня случится не ѣвши повертѣться около такой же твари, какъ и онъ, и отъ которой несчастіе его зависить. Иной пятьдесятъ дворовъ облетаетъ съ тѣмъ только намѣреніемъ, чтобы увидѣли, что хорошо у него голова убрана, что изрядное на немъ платье. Иной сутки не ѣстъ, въ карты играя и дожидаясь выигрыша; а вмѣсто того

и кафтанъ съ себя проиграетъ, и будетъ въ двоякомъ убыткѣ: что сутки терпѣль голодъ, и что проигрался. Вотъ какъ намъ свѣтъ воздастъ за то, что мы ему служимъ! при всемъ томъ мы имъ довольны: а церковь у насъ подѣ бокомъ и между тѣмъ намъ очень тяжело въ недѣлю собраться къ обѣднѣ, и гораздо скорѣе можно собраться въ свою мызу. Одну намъ подобную тварь обожая, какія ради ея претерпѣваемъ безпокойства! День и ночь по ней вздыхаемъ, сонъ на глаза не придетъ, языкомъ и мыслями ее прославляемъ, и даже въ печать ея похвалы издаемъ: а Богу съ искреннимъ сердцемъ часъ одинъ помолиться скучно. То и думаемъ, чтобы скорѣе молебень кончился, и многіе говорятъ, что Священникъ не умѣетъ читать, потому что служить такъ долго молебень.

Но если ты, душа моя, позабывъ о Томъ, Кому ты бытіемъ своимъ одолжена, столько будешь прилѣпляться къ свѣту: то смотри же, чтобы тебѣ не сказано было то же, что сказалъ нѣкогда Пророкъ Елисей своему слугѣ: *Ты серебро и платье Нееманово взялъ, возьми же и его болѣзнь, которая съ платьемъ къ тѣлу твоему пристанетъ* (4 Цар. гл. 5, ст. 26 и 27). Не скажутъ ли и тебѣ на страшномъ судѣ Господнемъ: ты пользовался свѣтскими роскошами, претерпѣвай же вѣчно и слѣдствія оныхъ. Ахъ! не дай Боже услышать таковыя слова! время еще не ушло вознаградить твои безпорядки; еще можно исправить твою совѣсть, пока ты съ тѣломъ соединена. Святый Іоаннъ Златоустъ пишетъ: *Ежели въ нынѣшней жизни нашей будемъ исповѣдывать грѣхи наши, и въ оныхъ покаемся, то съ чистою совѣстію на другой свѣтъ представимся. Если дѣло въ томъ состоитъ, для чего же*

не спѣшить къ духовнику, и не повиниться предъ Богомъ въ присутствіи его во всѣхъ своихъ грѣхахъ? Онъ такой же человѣкъ, какъ и ты, и такимъ же грѣхамъ, а можетъ быть еще и большимъ, по своей человѣческой немощи, подверженъ, нежели наши. Мы же то' совершенно знаемъ, что онъ ни коимъ образомъ нами ему повѣренной тайны другому не перескажетъ. Если мы друзьямъ нашимъ всѣ свои намѣренія и предпріятія сообщаемъ, хотя изъ такой довѣренности часто намъ случается претерпѣвать разныя несчастія: для чего же не' открыть духовнику наши грѣхи, когда въ томъ никакой не видимъ опасности? Каждый Государь имѣетъ своихъ министровъ, чрезъ которыхъ узнаетъ о нуждахъ общества: и Богъ избралъ Своими служителями пастырей Церкви, которымъ, низведши для спасенія нашего на сей свѣтъ, далъ власть рѣшать наши сомнѣнія и прощать именемъ Господнимъ грѣхи наши, въ которыхъ мы со слезами и искренностію признаемся и раскаемся.

Этого всякому человѣку не миновать, чтобы въ грѣхахъ не покаяться и оныя не оплакивать или на семъ свѣтѣ, либо на томъ. Скажи же мнѣ, душа моя! гдѣ тебѣ лучше оплакивать свои грѣхи? Здѣсь ли, или во адѣ? Здѣсь ли лучше предъ Распятіемъ, углубясь въ размышленіе о своемъ спасеніи, и проливая слезы, которыя послѣ наполняютъ сердце человѣческое пріятностію, надѣяться отпущенія грѣховъ, а потомъ вѣчнаго блаженства? или тамъ въ присутствіи страшнѣйшихъ злыхъ духовъ, разными мученіями тебя терзать имѣющихъ, когда и надежды тебѣ никакой не останется быть освобожденною отъ несноснѣйшихъ мученій, которыя необходимо тебѣ претерпѣвать

надобно во всю вѣчность, если безъ покаянія разстанешься съ тѣломъ? Избирай одно изъ двухъ, и если ты вовсе не потеряла разсужденія, и если есть еще въ тебѣ хотя малѣйшая искра любви къ Христіанскому закону и къ себѣ самой, то я о томъ не сомнѣваюсь, что лучше восхочешь здѣсь оплакивать грѣхи свои, нежели во адѣ. И ежели имѣешь намѣреніе покаяться въ грѣхахъ твоихъ, то согласуйся съ разумомъ, который представляетъ тебѣ три главнѣйшія причины тому, что польза твоя требуетъ скорѣйшаго въ грѣхахъ покаянія. Первая причина, чтобы частая привычка грѣшнить не превратилась въ необходимость. Вторая, что Богъ очень желаетъ твоего покаянія. Третія, что послѣ тяжело будетъ покаяться, хотя бы ты и захотѣла. Что касается до первой причины, то Святѣйшій Басилій Великій довольно утверждаетъ подлинность оной сими словами: *Долгое пребываніе во грѣхахъ въ такую одежду облекаетъ душу, которую едва скинуть можно.* Конечно, одежда сія самая неудобная, то есть, привычка къ злу, которая часто въ необходимость превращается, такъ, что хотя мы о злѣ и не думаемъ, однако навѣкъ насъ къ оному влечетъ. Ахъ! сія одежда столько къ душѣ прилипаетъ, что едва можно ее отъ нея отторгнуть. Далѣе утверждаетъ сей Святѣйшій въ писаніяхъ своихъ, что онъ безчисленнее множество видѣлъ людей, умершихъ въ тѣхъ самыхъ грѣхахъ, въ которыхъ жизнь свою препровождали; а премудрость Божія чрезъ уста Святаго Іова то же намъ утверждаетъ: *кости нечестиваго наполнишася грѣховъ юности его и съ нимъ на персти уснутъ* (Іовъ гл. 20, ст. 11). Что я такъ разумѣю: и прахъ останется, потому что изъ праха нашего мы воз-

станемъ на страшный судъ Господень, и оное зло, въ которомъ мы безъ покаянія скончались, съ собою понесемъ.

Ахъ! какой ужасъ проникаетъ сердце, когда я о сихъ словахъ Святаго Писанія размышляю. О неспосная тягость! одна пылинка, зломъ нашимъ наполненная, тяжелѣе намъ въ то время будетъ неподвижныхъ горъ. Какое же сердце не поразится ужасомъ, если точно размышлять будетъ о томъ злѣ, которое послѣ грѣха человѣческую природу наполняетъ? То намъ подлинно извѣстно, что величайшее зло есть то, котораго истребить никакимъ средствомъ не можно. И такъ, ежели грѣшить человѣкъ привыкнетъ, то сія привычка столько въ природу его вкореняется, что едва ли можно будетъ пайти и средство оную искоренить, и человѣкъ почти уже превращенною природою бываетъ влекомъ къ злу; *ибо привычка, которую мы заблаговременно не истребимъ, въ природу обращается*, какъ говоритъ Блаженный Августинъ. Если же не постараться объ истребленіи такой привычки, злой нравная душа моя, и заблаговременно не будешь просить Бога, чтобы тебѣ вспомооществовалъ преодолѣть всѣ искушенія: то при смерти, хотя бы ты была и рада отъ зла отвыкнуть, уже будетъ поздно, и сія несчастная твоя привычка съ тобою и въ гробъ преселится.

Не удисительное дѣло, говоритъ Святыи Іоаннъ Златоустъ, живучи въ свѣтъ грѣшитъ человеку, котораго природа по большой части къ злу клонится; только упавши не вставать, то есть, грѣшивши не исправляться, однимъ только діаволамъ свойственно. Ибо они, разъ согрѣшивъ, никогда больше не исправидись. Если и естественнымъ образомъ

разсуждать о привычкѣ, то она столько сильна, что рѣдко кто оную преодолеваетъ. Мы видимъ изъ опытовъ, что пьяница, всякій день желудокъ свой горячими напитками наливаетъ привыкшій, рѣдко можетъ быть трезвымъ, и въ тотъ день, въ который не напьется, бываетъ весьма пасмуренъ и почти боленъ. Картежника въ философа едва можно перемѣнить; изъ скупаго щедрымъ и изъ расточительнаго скупымъ сдѣлать очень трудно. Какъ же человѣку, привыкшему ко грѣху, легко можно перестать грѣшить, ежели онъ заблаговременно не старался исправить свою совѣсть, когда она еще къ злу не очень привыкла?

Однако не хочу я тебя привести, застарѣлая во грѣхахъ душа моя, въ отчаяніе: не говорю я, что привычки перемѣнить не лзя, но очень не легко; ибо есть средство всякому человѣку исправиться, если онъ только самъ того пожелаетъ. Неограниченное милосердіе Божіе всѣхъ ласково къ себѣ призываетъ, и всякому въ горестяхъ его обѣщаетъ облегченіе чрезъ Іоіля Пророка, говоря: *обратитесь ко Милъ вслѣдъ сердецъ вашихъ* (Іоил. гл. 2, ст. 12). Христосъ Спаситель со всею нѣжностію принять насъ желаетъ, и всѣ наши язвы исцѣлить хочетъ, говоря: *Приидите ко Милъ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Матѣ. гл. 11, ст. 28). Чего же намъ еще надобно, когда милосердый Спаситель нашъ обѣщаетъ исцѣлить наше зло? Для чего съ охотою къ Немѹ не поспѣшать и не просить со слезами, чтобы привычку нашу, влекущую насъ къ злу, уничтожилъ? Ахъ, слѣпая и о собственномъ добрѣ не старающаяся, душа моя! сеи небесный Врачъ Самъ тебя къ Себѣ призываетъ, а ты словамъ Его не внимашь. Если